

Гу Шаобай, опираясь на мягкую подушку, чувствовал, будто его разобрали на части и собрали заново. Все болело, все ныло, и ни одна часть тела не давала покоя!

Он понимал, что Му Цинфэн действительно сдерживался, все время оберегая его живот, но это все равно была физическая нагрузка, и как ни старайся, это все равно движение!

Му Цинфэн вошел с миской каши и увидел его страдальческое выражение лица.

— Очень плохо? — спросил он, садясь на край кровати и перемешивая куриный суп с женьшенем и красным рисом.

Сильный запах лекарства ударил в нос, и Гу Шаобай сморщился, издав недовольный звук.

Он протянул руку:

— Я сам поем.

Му Цинфэн поднял веко и с усмешкой сказал:

— Давай я покормлю тебя, отдохни... Ты сегодня устал...

Гу Шаобай промолчал.

Ладно, пусть это будет последний раз, когда он наслаждается кормлением от князя. Вряд ли такое повторится!

Он проглотил ложку каши и наконец произнес то, что давно хотел сказать:

— Князь, в тот день в чайной вы из-за себя подвергли меня опасности, и меня схватили в плен. Это ладно, но мои деньги забрали разбойники из крепости Феникса... Кхм... Вы ведь должны их вернуть?

Му Цинфэн, не меняя выражения лица, продолжал кормить его.

— Ну... Князь, сумма не такая уж большая... всего сто-двести лян, — Гу Шаобай посмотрел на его лицо. — Если нет наличных, подойдет и вексель. Ведь вы же щедро разбрасываетесь векселями, так почему бы не дать мне один, желательно с огромной суммой? Может, я даже смогу расплатиться с долгами Цзи Цзяньчэня.

Му Цинфэн, взглянув на его напряженное лицо, словно был готов к этому, достал из кармана пачку векселей и протянул их:

— Хватит?

Гу Шаобай с радостью схватил их, чуть не пустив слюни от восторга. Хотя сумма не была огромной, она все же была значительной — несколько тысяч лян. Князь и правда был богачом!

Он так обрадовался, что даже забыл о вежливости и сразу положил вексели под подушку.

Му Цинфэн продолжал кормить его, наблюдая, как его лицо проясняется, и не удержался от шутки:

— Эй, мне, знаешь ли, ты нравишься. Не хочешь ли остаться со мной...

Гу Шаобай оттолкнул его руку с ложкой, его черные, как ртуть, глаза остановились, и он резко сказал:

— Князь, мы всего лишь случайные знакомые. То, что произошло... для вас было способом удовлетворить желание, а для меня — минутной слабостью. Это не серьезно...

Эти слова, словно холодный ветер, пронзили сердце Му Цинфэна.

Он с яростью смотрел на него, его взгляд был острым, как нож, словно он хотел вскрыть его и посмотреть, из чего сделано его сердце — из камня, железа или мягких нитей!

Гу Шаобай молча отвернулся к окну, где царила густая тьма. Боль в его сердце была гуще ночи.

«Му Цинфэн, я каждую встречу воспринимаю как последнюю. Если этот документ не понадобится, мы больше никогда не увидимся. Если понадобится, и семья Гу будет в безопасности, мы останемся чужими».

После этого прощания Цзя Фань умрет, и эта короткая встреча станет лишь мимолетным пиршеством, которое не может длиться вечно.

На следующий день, когда взошло солнце.

Му Цинфэн неспеша зашел в спальню Гу Шаобая и, как и ожидал, обнаружил, что тот исчез.

На столе лежал лист бумаги с двумя строчками, написанными размашистым почерком:

«Одна ночь любви, как утренняя роса, исчезает с рассветом. После этой разлуки мы больше никогда не встретимся».

Он перечитывал эти строки снова и снова. Слова были красивыми, но каждая буква была словно острое лезвие.

Какая ночь любви, какая утренняя роса... Гу Шаобай, держа в руках лезвие, разве ты не чувствуешь боли?

— Князь, все готово, можно отправляться?

Му Цинфэн кивнул:

— Позовите Ли Чжишаня.

— Доктор Ли, я сегодня отправляюсь в путь. Вы спасли моего друга, и я считаю, что вы оказали мне услугу, — он указал на стопку векселей и несколько документов на недвижимость. — Эти вексели, а также документы на несколько лавок в Аньяне и двести му водных полей за городом — это моя благодарность. Если у вас есть другие просьбы, не стесняйтесь.

Ли Чжишань внезапно упал на колени и поклонился:

— Князь, я не хочу этого. Я прошу лишь об одном.

— О? — Му Цинфэн с удивлением поднял руку. — Встаньте и говорите.

Но Ли Чжишань не встал:

— Я хочу служить вам.

Он поднял голову, увидев слегка нахмуренные брови Му Цинфэна, и понял, что он слишком стар и уже не пригоден для серьезной службы. Но у него больше не было возможности помочь Фан Сяоаню раскрыть правду.

Он снова ударился лбом о пол:

— Князь, разве вам не странно, что я за один день смог определить, каким ядом был отравлен Цзя Фань, и приготовить противоядие? Обычный врач смог бы это сделать?

Му Цинфэн нахмурился. Он и сам подозревал неладное, но, видя, что Ли Чжишань выглядит честным, решил, что это результат многолетнего опыта, и не стал углубляться. Теперь, услышав это, он понял, что все не так просто.

Ли Чжишань, не дожидаясь вопроса, продолжил:

— Мой отец был знаменитым в свое время «Призрачным Лекарем». Но он был жестоким человеком и нажил себе много врагов. После его смерти я скитался, пока не нашел пристанище в этом глухом городке Ухуа, где прожил более двадцати лет в мире. Но недавно появились признаки того, что враги снова нашли меня... У меня нет ни сил, ни защиты, и я уже не могу бежать. Я был готов к смерти, но, к счастью, встретил вас, князь. Если я буду рядом с вами, то смогу сохранить жизнь... Князь, я учился у отца, и мое мастерство достойно...

Му Цинфэн прервал его длинную речь, решив взять Ли Чжишаня к себе. Во-первых, из жалости, во-вторых, из-за его мастерства, а в-третьих, из-за ощущения, что за этим скрывается что-то большее.

— Хорошо, ты останешься в моем доме... Но как насчет твоего сына?

Ли Чжишань твердо ответил:

— На этот раз все благодаря вам, князь, что его не арестовали. Теперь пусть сам решает свою судьбу... Я больше не могу за ним следить...

Му Цинфэн кивнул и все же отправил Ли Даху немного серебра, строго предупредив, что если он снова будет вести себя недостойно, его арестуют.

Ли Даху был в ужасе и тысячу раз благодарил!

Гу Шаобай в пути вставал с рассветом и останавливался с наступлением темноты, из-за чего сильно задержался.

Он был слаб и привередлив в еде, но добрый возничий заботливо ухаживал за ним.

На следующий день они должны были въехать в пределы города Мобэй. Вечером они добрались до последнего поселка на пути, и повозка остановилась у единственной гостиницы.

Гу Шаобая вынесли из повозки на спине возничего. Чем ближе к границе, тем хуже становилась дорога, и повозка вместе с его костями буквально разваливалась на части.

Возничий устроил его в лучшем номере, нагрел воды, заварил чай и только тогда вышел за едой.

Гу Шаобай, укрывшись одеялом, чувствовал, как чем ближе к Мобэю, тем сильнее становился ветер с песком. В полдень солнце палило, словно хотело сжечь его, но как только оно садилось, становилось холодно, как в леднике.

Он перешел из полуденного пекла в ледяную яму, и резкий перепад температуры, а также непривычная обстановка окончательно подкосили его и без того слабое здоровье.

Гу Шаобай прищурился, наблюдая, как уходит возничий, и был рад, что встретил такого доброго человека. Хотя внешне он был неказист, но сердце у него было золотое. Он не пренебрегал своим слабым работодателем, а наоборот, заботился о нем.

К ужину запах баранины из кухни становился все сильнее. Гу Шаобай, плотно укрывшись одеялом, все же не мог избавиться от этого запаха, который проникал в его нос, вызывая тошноту.

Его так называемая «непривычность к местности» на самом деле была реакцией на запах баранины.

Чем дальше на север, тем холоднее становится, и баранина занимает все более важное место на столе. Этот продукт, который согревает тело, был настоящим мучением для Гу Шаобая. Он бывал с Мо Жанем в столичных ресторанах, где подавали баранину, и тогда он мог терпеть этот запах, но здесь даже воздух вызывал отвращение!

<http://bllate.org/book/16730/1538756>